

Мир книготорговли может по-настоящему гордиться Мартином Лейтемом. Его исследование истории книг и книжного дела, а также причин, по которым мы так любим книги, пропитано трогательными историями и удивительными фактами... В основе повествования – простое удовольствие, любовь к хорошей книге.

Daily Mail

Лейтему полагает, что в книжном магазине должно возникать чувство, словно попадаешь в «пещеру Аладдина». Справедливо будет заметить, что оно точно возникает при прочтении его книги, которая объединяет забавные истории из его практики (чего стоит хотя бы приглашенный автор Спайк Миллиган) и историю культуры чтения, книгопечатания, книготорговли, библиотек и всего того «книжного», что только можно себе представить... Если поиски «той самой книги» в книжном магазине вписываются в ваше представление о рае, то вы получите незабываемое удовольствие от коллекции этих удивительных историй.

Джейк Керридж, Sunday Express

Мне очень понравилась эта книга, и едва ли я читал еще что-то столь же богатое фантастическими историями, интересными идеями, великими цитатами, яркими откровениями. Они здесь не просто на каждой странице, они в каждом абзаце.

Саймон Мэйо, Scala Radio

Щедрая на описания, разносторонняя и очень человечная... Эта книга создает эфемерное, ускользающее чувство доверия книжному магазину с богатейшим и весьма эклектичным ассортиментом.

Денис Данкан, Times Literary Supplement

Переходя от темы к теме, автор рассказывает буквально обо всем: от легендарных библиотек до скромных книгонош, а также о забытых книжных формах... Энергия книги оказывается настолько живой, что даже в электронном виде она, кажется, источает восхитительный запах старого книжного магазина.

Хензиба Андерсон, The Observer

История и торжество всякой вещи, связанной с книгой... Все, кто любит бродить по книжным магазинам, ощущая традиционный запах бумаги, охотно заводят знакомства с чудаковатыми хозяевами, у которых в запасе тысячи историй, несомненно вынесут отсюда что-то неожиданное, утешительное и, возможно, даже стоящее поцелуя.

Кэти Гест, The Guardian

Мало что может сравниться с заразительным энтузиазмом Мартина Лейтема, книготорговца с тридцатипятилетним стажем из магазина Waterstones в Кентербери. Его книга – это собрание историй о знаменитых писателях и библиофилах, однако прежде всего это любовное послание книге.

Пол Лейти и Джастин Джордан, The Guardian

Ода чтению и читателям, а также всему, что имеет отношение к книгам. Занимательная, разносторонняя, экстравагантная... сущее наслаждение.

Элисон Лайт, автор книги «Обычные люди: история английской семьи»

...не только исследование истории книжного дела, но еще и любовное послание, щедро пересыпанное очаровательными и забавными историями. Здесь, например, вас ждет встреча с Антонией Байетт, которая покупает «Плоский мир» Терри Пратчетта и признает, что никто в Лондоне не должен видеть, как она это делает...

Evening Standard

МАРТИН ЛЕЙТЕМ

—

ИСТОРИИ ТОРГОВЦА КНИГАМИ

УДК 090.1+655.42

ББК 76.18(4Вел)

Л42

Martin Latham

THE BOOKSELLER'S TALE

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd., London.
The author has asserted his moral rights. All rights reserved

Перевод с английского Ирины Никитиной

Лейтем М.

Л42 Истории торговца книгами / Мартин Лейтем ; [пер. с англ. И.В. Никитиной]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-389-19588-2

В созвездии британских книготорговцев — не только торгующих книгами, но и пишущих, от шотландца Шона Байтелла с его знаменитым The Bookshop до потомственного книготорговца Сэмюэла Джонсона, рассказавшего историю старейшей лондонской сети Foyles — загорается еще одна звезда: Мартин Лейтем, управляющий магазином сети книжного гиганта Waterstones в Кентербери, посвятивший любимому делу более 35 лет. Его рассказ — это сплав истории книжной культуры и мемуаров книготорговца. Историк по образованию, он пишет как об эмоциональном и психологическом опыте читателей, посетителей библиотек и покупателей в книжных магазинах, так и о краеугольных камнях взаимодействия людей с книгами в разные эпохи (от времен Гутенберга до нашей цифровой эпохи) и на фоне разных исторических событий, включая Реформацию, революцию во Франции и Вторую мировую войну. Познакомьтесь с портретом «человека читающего» в изложении Лейтема, насыщенном именами и цитатами, приглашающими к чтению и размышлению заглавиями, интересными фактами и ситуациями, а также важными обобщениями.

«Книжные стеллажи — отражение нашего неизведанного “я”». (Мартин Лейтем)

УДК 090.1+655.42

ББК 76.18(4Вел)

ISBN 978-5-389-19588-2

© Martin Latham, 2020

© Никитина И.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

Содержание

Введение	7
1. Заветные книги	13
2. Чтение и жизненные невзгоды	46
3. Необъяснимая сила дешевых книг	81
4. «И дождь, и град, и ветер»: уличные книготорговцы	91
5. Библиотечные сны	117
6. Коллекционные страсти	164
7. Жизнь на краю: тайны маргиналий в средневековых книгах	248
8. Следы использования	265
9. Под гнетом Сорбонны: печатное слово в дореволюционной Франции	308
10. Книготорговцы Сены	322
11. Почему Венеция?	335
12. «Организованное чудачество»: книжные магазины Нью-Йорка	341
13. Книжные магазины	359
Слова благодарности	399
Сведения об источниках	404

Введение

Есть в мире одна книга, которая вот уже 800 лет лежит на одном месте, не сдвигаясь ни на сантиметр. Она украшает надгробие Алиеноры Аквитанской в королевском аббатстве Фонтевро, неподалеку от города Пуатье во Франции. Ее полная бурных событий жизнь осталась далеко в прошлом, и теперь одна из самых выдающихся женщин Средневековья мирно покоится в своей усыпальнице, держа в руках открытую Библию. Она лежит подобно тому, как любой из нас устраивается в постели, когда после беседы или чаепития мы сливаемся с книгой, погружаясь в свой внутренний мир. Пришельцу из другой галактики эта история любви человечества и печатного слова показалась бы одной из самых странных на нашей планете.

Мой рассказ, посвященный истории книги, имеет своей целью изучить наши взаимоотношения с бумажной книгой и продемонстрировать, каким образом они помогли нам углубить понимание самих себя. Появление печатной книги ознаменовало общепланетарный расцвет сознания. Уютно устроившись с книгой в руках, мы и сейчас продолжаем открывать в себе все новые и новые «я».

Примечательно, что читать в одиночестве вошло в привычку лишь с наступлением эпохи книгопечатания. В большинстве язы-

ков слово «читать» изначально подразумевало чтение вслух. Некогда на Александра Македонского смотрели в изумлении и замешательстве, когда он читал про себя, ведь до изобретения печатных станков люди гораздо чаще читали друг другу, нежели оставшись наедине с собой. С распространением привычки читать в одиночестве стала углубляться и эмоциональная привязанность к книге. По словам Гарриет Мартино, основоположницы социологии в викторианской Англии, ей нередко казалось, будто она *становится* автором текста, который читает, а такие романы, как «Кларисса», вызывали у нее безудержные рыдания и самозабвенный восторг. Благодаря Иоганну Гутенбергу наше воображение очаровано историями, опьянено неизведанными доселе возможностями.

Чтение в одиночестве обогатило наш внутренний мир новыми измерениями. Эта истина угадывается в стопках книг, сложенных в большой библиотеке или в углах книжного магазина – в местах, внушающих нам ощущение величия, будто мы оказались на краю бесконечности собственного внутреннего мира. Возможно, древней Александрийской библиотеки никогда и не было, но, как утверждает британский историк-классицист Эдит Холл, сама по себе идея ее существования играет не менее значимую роль в нашем коллективном бессознательном, чем историческая правда. Мы инстинктивно осознаем, что наше бытие бесконечно и зависимо от случайностей, и поэтому так любим блуждать по книжным магазинам и библиотекам, надеясь найти книгу, способную отпереть замки, за которыми скрывается разнообразие наших потаенных «я».

Страстная любовь к настоящим книгам (а не к «тексту», о котором твердят специалисты по теории литературы) имеет много проявлений, однако пишут о них довольно редко. За тридцать лет работы в сфере книготорговли мне не раз доводилось наблюдать, как покупатель нежно поглаживает книгу по корешку, заглядывает под суперобложку, украдкой закрывает глаза, чтобы вдохнуть аромат раскрытых страниц, обнимает свежеприобретенную книгу, а то и вовсе тихонько ее целует.

Покупатели бумажных книг не смогут растолковать вам, почему им так нравится держать книгу в руках, и, как человек, которому за долгие годы приходилось сотни раз слышать их заверения в том, что объяснить они этого не могут, я начинаю думать, что им не хочется анализировать столь сокровенное чувство.

От книги — той, что напечатана на бумаге, полученной из древесины, — рукой подать до леса, великого источника мифов. Цифровые устройства не только производятся из более холодных, лишенных связи с природой материалов, они к тому же безжалостно требовательны. В 1913 году Кафка с поразительной прозорливостью предсказал грядущее в письме к своей будущей возлюбленной Фелиции, которая торговала диктографами. Он терпеть не мог эти приспособления и с восторгом рассказывал о том, как, глядя из окна своего кабинета и остановив диктовку на полуслове, порой слышал характерный шелестящий звук, когда его секретарша от нечего делать принималась тайком подпиливать ногти. Он писал Фелиции, что «перед диктографом» человек оказывается «низведен до полного ничтожества, он фабричный рабочий»¹. В наши дни всем нам порой кажется, будто мы чернорабочие, состоящие на службе у машин; книга же подобных чувств не вызывает. Кафка предсказывал, что рано или поздно эти устройства начнут с нами разговаривать, высказывать предложения о том, в какой ресторан сходить, и даже исправлять речевые ошибки. Эти идеи казались абсурдными еще каких-то десять лет назад, когда я взялся писать эту книгу, но теперь подобные технологии повсюду. Бедняжка Фелиция ничего не ответила на письмо Франца, должно быть показавшееся ей безумным.

«Холодная функциональность» цифровых технологий славится «интерактивностью», которая, правда, ограничена рамками формата, начиная с «лайков» и заканчивая блогами, и очень далека

¹ Перевод М.Л. Рудницкого. Цит. по изд.: *Кафка Ф. Приговор. Письма к Фелиции*. СПб.: Азбука-классика, 2007.

от того общения, которое многие налаживают с бумажными книгами — «теплыми» носителями информации, в которых читатели нередко оставляют пометки. Маргиналии Мишеля де Монтеня на полях сборника сочинений Лукреция отражают целую цепочку размышлений, как и пылкие заметки Уильяма Блейка на страницах «Лекций об искусстве» (*Discourses on Art*) Джошуа Рейнольдса. Из маргиналий Сэмюэла Кольриджа получился целый том, вошедший в собрание его сочинений. Однако заметки на полях оставались, без преувеличения, вне поля зрения академических библиотечарей, особенно в Викторианскую эпоху, когда такие записи срезали и выбрасывали при замене переплета, а порой даже выбеливали (именно эта участь постигла маргиналии Мильтона). Наследием этого утилитаристского стремления к чистоте стала распространенная в наши дни чрезмерная предвзятость по отношению к пометкам в печатных книгах. Один современный специалист по истории маргиналий с сожалением предостерегает, что если мы не начнем относиться к ним проще, то лишимся свидетельств, отражающих незамутненные, сиюминутные реакции читателей.

С 1600-х и практически до 1870-х годов читатели с тем же непочтительным библиофильством вырезали приглянувшиеся отрывки из книг и вклеивали их в самые обыкновенные тетради или блокноты, где цитаты перемежались с их собственными рукописными размышлениями. Свидетельств этой всеобщей мании почти не осталось благодаря стараниям таких библиотечарей, как М.Р. Джеймс, который сравнивал подобные тетради с «некой разновидностью остатков или отложений». Раздражения привыкшему мыслить эмпирически библиотечарю добавлял еще и тот факт, что эти труды невозможно было категоризировать — книги то были или рукописи. Их кипами выбрасывали на помойку вплоть до 1980-х годов.

Дешевые книжки небольшого формата, порой самодельные сборники, известные в Британии как «чапбуки» (*chapbook*), которыми торговали странствующие торговцы, — это еще одна забытая страница книжной истории. Миллионы подобных брошюр с рассказами о преступлениях, мифах, паранормальных явлениях, исто-

риях любви, а также с философскими и религиозными рассуждениями печатались по всему миру, хотя зафиксированных сведений об их тиражах не сохранилось. До недавнего времени библиотекари относились к ним с пренебрежением, а научное сообщество их попросту игнорировало. Это странно, ведь столько литературных титанов было вскормлено этими пользовавшимися огромной популярностью историями. Пипс¹ их коллекционировал, Блейк писал великолепные стихи, печатавшиеся в изданиях такого формата, на них вырос Диккенс, Стивенсон их обожал и даже сам написал подобную книжку под названием «Поучительные эмблемы» (Moral Emblems), а Шекспир с нескрываемой любовью описывает бродячего торговца такими сборниками, пустобреха Автолика. Однако эти книги, зачастую не имевшие обложки, передавались лишь из рук в руки и сегодня по большей части утеряны.

Жак Деррида, сетуя на пагубное влияние библиотекарей, в большинстве своем мужского пола, так или иначе воздействующих на нашу культуру, впервые использовал понятие «патриархивный». По его мнению, этим людям чужд интерес к книжной археологии, к одиссеям странствующих томов, к секретам, таящимся за бумагой и чернилами, за водяными знаками и рисунками на переднем обрезе, к историям, которые рассказывают засушенные, вложенные между страницами цветы и написанные от руки посвящения. Влюбленные не терпят конкуренции, а диктаторы попросту хотят, чтобы их любили. Политический лидер ГДР Эрих Хонеккер обрушил на страну волну репрессий, однако в старости досадовал: «Разве они не видели, как сильно я их любил?» Именно такая ревность заставляла диктаторов массово сжигать книги. Историю о том, как удавалось выжить подпольным изданиям, еще

¹ Пипс Сэмюэл (1633–1703) – английский государственный и политический деятель, автор дневника, который он вел с 1660 по 1669 г. и в котором наряду с ключевыми историческими событиями, такими как эпидемия чумы в Лондоне и Великий пожар 1666 г., описываются особенности быта того времени. (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.)

предстоит рассказать — начиная с произведений Солженицына, которые тайком перепечатывали в кабинетах Кремля, и заканчивая нелегальными тиражами «Скотного двора», что хранились в Восточном Берлине.

Перед вами откровенный рассказ о любви человека к книге — любви, благодаря которой появилось более склонное к уединению и рефлексии «я». Любви к бумажной книге, которая цветет — возможно, особенно пышно — именно сейчас, в эпоху цифровых технологий.

Не знаю, как я научился читать; помню только свои первые чтения и то впечатление, которое они на меня производили; с этого времени тянется непрерывная нить моих воспоминаний¹.

Жан-Жак Руссо. Исповедь

¹ Перевод Д. А. Горбова и М. Н. Розанова.

1

Заветные книги

Детские воспоминания возвращаются так, словно где-то в дальнем крыле старого дома громко хлопнула распахнутая ветром дверь.

Выдержка из малоизвестного эссе Ричарда Черча, название которого мне так и не удалось узнать

Каждый должен составить кадастр утраченных ландшафтов¹.
Гастон Башляр. Поэтика пространства

Лишь недавно мне удалось превозмочь данное мне образование и вернуться к той ранней интуитивной спонтанности.
Роберт Грейвс. Со всем этим покончено

Низенькая дверь в стене

Один египтянин, живший около 2500 года до н. э., сравнивал находку пришедшейся по душе книги с отправлением в путешествие на маленькой лодке. Некоторые дорогие сердцу книги способны унести нас прочь к далеким берегам, где мы станем счастливее. Эта категория тотемных романов представляет собой диковинную смесь «макулатуры» и «классики».

¹ Здесь и далее цит. по: *Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства* / Пер. с фр. Н.В. Кисловой, Г.В. Волковой, М.Ю. Михеева. М.: РОССПЭН, 2004.

Однажды издателя и биографа Дженни Юглоу пригласили поучаствовать в дискуссии, организованной Нью-Йоркской публичной библиотекой, в ходе которой был поднят вопрос о том, какие классические произведения по сей день популярны среди читателей. Накануне она заглянула ко мне в магазин, чтобы навести справки, и весьма удивилась, просмотрев статистику продаж. Оказалось, что, за исключением программных произведений и экранизаций, все еще хорошо продается миссис Гаскелл, Хемингуэй, разумеется, — но лишь некоторые из его произведений. «Мидлмарч» по-прежнему остается бестселлером, в отличие от книг Филдинга. И пусть цикл книг Энтони Поуэлла «Танец под музыку времени» (*Dance to the Music of Time*) внес огромный вклад в развитие культуры, покупают их не слишком часто. А вот увесистая «Балканская трилогия» (*Balkan Trilogy*) и «Александрийский квартет», написанные в 1960-х годах, все еще приносят хороший доход. Можно было бы предположить, что обеспечивают товарооборот и прибыль лишь те романы, что поновей, но покупатели регулярно берут и «Робинзона Крузо» (1719), и «Кандида» (1759) ради развлечения, а не в качестве обязательных к прочтению книг. Между тем книги Смоллетта, как и «Жизнь Сэмюэла Джонсона», принадлежащая перу Босуэлла, приобретают лишь из ностальгического уважения, нежели из коммерческих соображений, ведь год за годом они продаются в мизерных количествах. За тридцать лет я ни разу не слышал, чтобы покупатели интересовались «Путешествием Пилигрима». А вот «Человек, который был Четвергом» Честертона — один из немногочисленных многолетников, обязанных своей популярностью отзывам, передающимся из уст в уста. Список любимых читателями книг, которые способны мгновенно развеять тоску и хорошо известны большинству книготорговцев, включает в себя по большей части научную фантастику и детскую литературу. Как правило, эти книги не имеют отношения к классическому «канону», о котором твердит академическое сообщество. Ну и что, верно? Вот некоторые примеры из этого списка: «Облачный атлас», «Наобо-

рот»¹, «Часовой»² (Watchman), «Я захватываю замок», «Над пропастью во ржи», «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», «Антуанетта», «Убить пересмешника», трилогия «Земноморье», «Эрагон», «Властелин колец», серия книг Терри Пратчетта «Плоский мир», «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», «Аня из Зеленых Мезонинов», книги о Гарри Поттере, «Мило и волшебная будка»³, «Маленький принц», «Алхимик», книги о Реджинальде Дживсе, «Неуютная ферма»⁴.

Любителям всех этих книг случалось думать, что следовало бы переключиться на что-нибудь более монументальное. Автор художественных романов Антония Сьюзен Байетт была одной из первых поклонниц Терри Пратчетта в те дни, когда рецензии на научно-фантастические произведения и фэнтези редко появлялись на страницах газет. В 1990 году, с огромной радостью приобретя новую книгу из серии «Плоский мир» в моем магазине в Кентербери, она пошутила: «Мне нравится “Плоский мир”, но нельзя, чтобы кто-нибудь в Лондоне увидел, как я покупаю эти книги». Такое положение вещей – побочный продукт современной системы образования: Чосер, Шекспир и Диккенс наслаждались эклектизмом, свободным от чувства стыда. Викторианское общество обожало героическую историю врача Уильяма Брайдона – единственного выжившего во время отступления из Кабула в 1842 году, которому удалось уцелеть благодаря спрятанной под шляпой Библии, на которую пришелся удар афган-

¹ «Наоборот» (1884) – роман французского писателя Жориса Карла Гюисманса, считающийся образцом декадентской литературы.

² «Часовой» (1988) – роман современного шотландского писателя Иэна Рэнкина, главный герой которого работает на британскую контрразведку.

³ «Мило и волшебная будка» («Призрачная будка») (1961) – детский приключенческий роман современного американского автора Нортон Джастера.

⁴ «Неуютная ферма» (1932) – комический роман английской писательницы Стеллы Гиббонс.

ского меча. Позже, вернувшись домой в шотландское высокогорье и уже будучи стариком, Брайдон развенчал этот миф (созданный отнюдь не им самим). Жизнь ему спасла вовсе не Библия, а выпуск ежемесячного журнала *Blackwood's Magazine* — популярного издания, печатавшего произведения романтиков и рассказы в жанре хоррор.

Душевное успокоение — это чрезвычайно важная составляющая чтения, но нам необходимо оберегать его, иначе мы уподобимся некоторым из студентов Дейрдре Линч, преподавательницы Гарвардского университета. Ей не дают покоя...

...отголоски ностальгии, которые часто слышны в словах... студентов факультета английской литературы... причитающих, что требование изучать критику и теорию, с которым они вынуждены мириться, душит любовь к писателям и к чтению, которая изначально и сподвигла их выбрать именно эту специальность.

Человек, отыскавший свою заветную, греющую душу книгу, подобен влюбленному и часто запоминает этот момент на всю жизнь. На протяжении нескольких лет, когда мне было чуть больше двадцати, я частенько навещался в лондонский район Челси, на улицу Тайт, где пристегивал свой односкоростной студенческий велосипед к ограде многоквартирного дома в эдвардианском стиле. Вся улица была проникнута книжным духом: в паре шагов оттуда некогда жили Рэдклифф Холл¹ и Оскар Уайльд. Я заходил в старый лифт, и, когда он медленно подъезжал к верхнему этажу, перед моими глазами появлялась видневшаяся сквозь прутья лифтовой решетки лестничная площадка, а на ней — две ноги в поношенных, изготовленных вручную кожаных ботинках из магазина *Tricker's* на Джермин-стрит. Во время моих визитов

¹ Холл Рэдклифф (1880–1943) — английская поэтесса и писательница, автор опубликованного в 1928 г. романа «Колодец одиночества».

к писателю и путешественнику Уилфриду Тэсиджеру мы подолгу беседовали — подчас до глубокой ночи, — пока за окном мерцал огнями перекинутый через Темзу мост Альберта.

Его называли последним из викторианских исследователей, но его ненависть к двигателю внутреннего сгорания и уважение к мировоззрению коренных народов подтолкнули более молодых авторов, таких как Левисон Вуд и Рори Стюарт, дать ему новое прозвище — первый хиппи. Хотя с именем Тэсиджера связана история о том, как он подружился с бедуинами и пересек пустыню Рубэль-Хали, он также был заядлым библиофилом, поэтому мы много разговаривали о книгах: передо мной сидел человек, в коллекции которого имелось подписное издание «Семи столпов мудрости» в обложке, изготовленной из обломков деревянных пропеллеров со сбитого в Хиджазе турецкого самолета 1915 года, — редкость, о которой, похоже, не слышал ни один книготорговец, с которым мне доводилось общаться.

На каталожной карточке своим мелким ровным почерком Тэсиджер написал мне список из шести книг, которые были ему особенно дороги. Среди них было «Возвращение в Брайдсхед» (тогда я впервые услышал об этой книге), но ему пришлось сделать оговорку: он был хорошо знаком с Ивлином Во, когда жил в Абиссинии, и, по его словам, это был «тот еще треклятый тип», и он никогда не принял бы его за автора столь замечательного произведения. У Тэсиджера, который был удостоен ордена «За боевые заслуги» за храбрость, проявленную в сражении против сил Муссолини в Абиссинии, а позднее поступил на службу в недавно учрежденную специальную авиадесантную службу вооруженных сил Великобритании, сложилось совсем не лестное мнение о Во, явившемся доложить о вторжении итальянских войск в большой широкополой шляпе. «Эта чертова шляпа», — говорил Тэсиджер, качая головой при воспоминании об этом, но все же с тенью улыбки на лице.

Теперь, став книготорговцем (в то время я им еще не был, а был лишь докторантом, усердно трудившимся над диссертацией

по истории), я знаю, что «Брайдсхед» стал заветной книгой для многих людей, независимо от их пола и возраста. Рассказанная Во история о жизни аристократии продается неизменно хорошо благодаря его дурманящей прозе и – по крайней мере, мне так кажется – его способности всколыхнуть в душе читателя некое неуловимое ощущение прекрасного, не лишая его неуловимости.

Недавно ко мне в магазин зашла одна девушка и сказала: «Я только что прочла “Возвращение в Брайдсхед”. Эта книга... другая, она меня по-настоящему потрясла, и теперь мне нужно что-то, что можно прочесть следом, – понимаете, что-нибудь, что действительно *берет за душу*».

Непростой вопрос, непосредственно касающийся удовольствия, которое мы получаем от чтения: есть книги, прочесть которые своего рода долг, а есть те, ради которых ты просыпаться спозаранку и нарочно медлишь, приближаясь к развязке, чтобы отсрочить расставание. Ни Достоевский, ни Диккенс не сгодились бы той покупательнице. Она поняла бы необычную творческую цель, которую ставил перед собой Набоков. В одном интервью, которое в плохом качестве было записано для телевидения в 1950-х годах, он сказал (так быстро, что мне пришлось несколько раз перематывать, прежде чем я смог разобрать слова), что писал не ради того, чтобы тронуть сердце читателя или повлиять на его разум, а чтобы «добиться той пробегающей по позвоночнику дрожи, что знакома профессиональному читателю». Требовался быстрый и решительный укол внутривенно. Я стал вспоминать свои собственные «тотемные» книги: может, «Автокатастрофа» Дж.Г. Балларда? Не годится: однажды, вступившись за эту книгу, я спровоцировал драку в пабе, в лондонском Фулхэме (меня среди участников не было). Мы положили перед покупательницей «Я захватываю замок», «Убить пересмешника», «На охоте»¹ и «Франкенштейна». Позже я узнал,

¹ «The Shooting Party» (1980), роман британской писательницы Изабель Колгейт.

как это часто бывает, что она осталась чрезвычайно довольна первой из этих книг — романом Доди Смит — и удивлялась, что о нем мало кто знает.

В списке Тэсиджера также оказалась опубликованная в 1943 году книга альпиниста Эрика Шиптона «На той вершине» (Upon That Mountain). На протяжении многих лет Тэсиджер не раз упоминал, что потерял эту книгу и никак не мог отыскать новый экземпляр. Лишь теперь, вспоминая об этом, я вдруг понял: как это ни парадоксально, он *хотел*, чтобы эта книга ему не попалась. Она была для него окутанной дымкой мечтой, предметом желаний, чем-то, что напоминало, как писал в своем шедевре его товарищ, любивший неуместно огромные головные уборы...

...ту низенькую дверь в стене, которую, как я знал, и до меня уже находили другие и которая вела в таинственный, очарованный сад, куда не выходят ничьи окна¹.

«Куда не выходят ничьи окна» — вот в чем кроется сила заветной книги. Это нечто чрезвычайно личное, ею редко становятся произведения, за которые автор был удостоен премии, или современные бестселлеры — это личное открытие, откровение, нечто, спровоцировавшее замедленный взрыв в доселе необитаемой пустыне души.

Некоторые находят в заветной книге прелесть утраты: «На той вершине» — книга о сладостной потере возможности реализовать мечту. Тэсиджер много говорил о горе Нандадеви, что «многих жен сделала вдовами», — эта гималайская вершина противилась всякой попытке к ней приблизиться. Книга Шиптона повествует о неудачной попытке ее покорить. Возможно, этим и объясняется редкость этой книги: она совсем не похожа на хроники покорения очередной вершины.

¹ Цитата из романа Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед». Перевод И. Бернштейн.

Через семнадцать лет после кончины Тэсиджера в одном букинистическом магазине я отыскал экземпляр «На той вершине», опубликованный издательством Pan Books в 1956 году. Я храню его рядом с подписанной копией «Аравийских песков» (Arabian Sands).

Все, кого я просил объяснить, в чем заключается притягательность дорогих им книг, пытались уйти от ответа, поэтому я перестал спрашивать напрямую. Зачастую, подобно шпионам, захваченным в плен во время военных действий и вынужденным назвать свое имя, звание и личный номер, они сообщают мне название книги, ее автора и, возможно, формат – мягкая или твердая обложка. Затем они меняют тему разговора, не желая выдавать секретов своего внутреннего мира. Они оберегают свое горное святилище, ведь, без сомнения, заветная книга – это нечто, навсегда остающееся чем-то личным. Говорить о ней всуе было бы неправильно – все равно что прилететь на вершину Нандадеви на вертолете.

По мере того как мы взрослеем, сила нашего воображения все глубже прячется под личиной нашего обыденного «я», чтобы снова показаться на свет, скажем, в моменты, когда в нашу жизнь приходит любовь или смерть, когда мы находимся на природе или сворачиваемся калачиком с книгой в руках. Шиптон начинает свою книгу такими словами:

Любой ребенок, я полагаю, проводит немало времени, предаваясь грезам о деревьях, о двигателях или о море... Иногда эти душевные порывы стихают, но иногда нужно совсем немного, чтобы оказать решающее влияние на течение всей нашей жизни.

«Решающее влияние на течение всей нашей жизни»: заветная книга – способ продлить этот эффект. Неудивительно, что люди замыкаются в себе, стоит спросить их о самой дорогой сердцу книге: задавая вопросы, я нарушаю чудом сохранившийся поток детских мыслей, а это материя очень тонкая. Будучи детьми, мы пребываем в блаженном неведении о бытовых заботах, кото-

рые однажды засорят этот мыслительный поток. Мы вырастаем, считая чем-то само собой разумеющимся воображаемый мир, такой же богатый, как тот, что изображен в книге «Тысяча и одна ночь».

Моя сестра Сара, самая младшая из восьми детей, в детстве очень любила одну книгу, но никогда о ней не рассказывала, пока я не попросил. В этой книге под названием «Дети из старого дома» (The Children of the Old House) рассказывается о большой семье, члены которой обживают и ремонтируют обветшалый дом, преодолевая многочисленные невзгоды. Сара выросла именно в таком доме и начала работать детской медсестрой в больнице на Грейт-Ормонд-стрит. Вновь и вновь я подмечаю, что книги, которые становятся дороги нам в детстве, чуть ли не с комичной точностью, которой сам человек иногда и не замечает, предвосхищают жизненный путь, который мы выбираем повзрослев.

Сегодня утром, пока я писал этот отрывок, сидя в кафе в городе Кентербери, в дверях появилась молодая пара с рюкзаками и деревянными походными палками. Мы разговорились, и я спросил их, какие книги были дороги им в детстве. Выяснилось, что им обоим двадцать один год и они пешком, дикарями путешествуют из Бордо в Ирландию без конкретного маршрута. Захария Фасси противостоял авторитету своего деспотичного отца, погружаясь в чтение книги «Мужчины не плачут» (Un homme ça ne pleure pas), которую написала его землячка, французская писательница алжирского происхождения Фаиза Гэн. Его подруга Лелия Галин, побритая наголо дочь водителя грузовика, смогла пережить «дурдом», царивший в доме ее детства, благодаря малоизвестной сказке, где рассказывается об огре¹, которого смогла усмирить любовь. Они говорили о своих любимых детских книгах тихо, благоговейно, и, как оказывается, они никогда раньше никому о них не рассказывали. Эти книги сформировали их чувствительность

¹ Огр – злобный великан-людоед, персонаж кельтской мифологии. — Примеч. ред.

и лучше любой болтовни могли объяснить причины их решительного побега.

Недавно в поезде, по пути из Лондона в Кентербери, я беседовал с адвокатом Самантой, которая возвращалась со слушания по делу об убийстве, состоявшегося в Центральном уголовном суде Лондона.

Я. Какую книгу вы любили в детстве?

Саманта. О, мне нравились книжки про Питера и Джейн, с заданиями для разучивания новых слов, а еще Диккенс, «Повесть о двух городах», «Отверженные» и...

Я (*перебиваю, почувствовав, что она начала перечислять произведения для не по годам развитого ребенка*). Подождите, я имел в виду, какая книга была дорога вам лично, согревала вам душу, когда вы были маленькой?

Саманта. О, я просто обожала «Золушку» в твердом переплете.

Золушка, подумал я, которую обижали две сводных сестры и злая мачеха, три страшные силы, – притча о ней как нельзя лучше описывает жизнь Саманты, которая каким-то образом покорила адвокатское сообщество несмотря на то, что родилась в Тринидаде и Тобаго в рабочей семье и была женщиной. Она согласилась, что, несмотря на белую кожу Золушки и немаловажную роль пустоголового принца на белом коне, для нее это была сказка об освобождении.

Тот же принцип лежит в основе американской детской сказки «Паровозик, который смог» (*The Little Red Engine That Could*)¹, экземпляр которой несколько лет назад был выставлен на торги в Нью-Йорке, сильно потрепанный, с каракулями и пометками карандашом, словно сделанными детской рукой. Когда-то эта книга принадлежала Мэрилин Монро.

¹ В этой популярной американской сказке, по распространенному мнению, метафорически отражена «американская мечта».

Когда мне было лет одиннадцать, моей заветной книгой был «Сад времени» (The Time Garden). Она так много для меня значит, что я ни разу никому о ней не рассказывал, да и не думал о том, почему она мне так дорога. Меня, как и Тэсиджера с его любовью к книге Шиптона, ни разу, ни на мгновение не посещало желание отыскать экземпляр этой книги и перечитать ее, а до сегодняшнего дня я и вовсе ни разу не задумывался о том, почему же, в конце концов, она так много для меня значит. Речь в ней идет о мальчишке, который встречает на залитой солнцем мощеной тропинке в глубине сада камышовую жабу, и та каким-то образом наделяет его способностью путешествовать во времени. Эта история – настоящая квинтэссенция всех моих детских устремлений: загадки, природа, таинственные сады, животные, которые знают больше, чем кажется на первый взгляд, и путешествия в другие исторические эпохи.

Несколько лет спустя, во время бурного подросткового периода, в моей жизни появился новый защитный амулет – не теряющий популярности роман «Серебряный меч»¹. Это разворачивающаяся на фоне Второй мировой войны история учителя, чей дом в варшавском гетто оказывается разрушен во время бомбежки. Он встречает бездомного мальчишка, который хранит в коробке из-под обуви свои детские сокровища, связанные с приятными воспоминаниями; среди них по какой-то причине оказывается крошечный серебряный меч. Пытаясь отыскать эту книгу, я почему-то решил, что она называется «Меч в камне». Теперь мне ясно, что ужасы средней школы разрушали символическую крепость моего внутреннего мира, но я мог втайне ото всех сохранять связь с ним при помощи нескольких оберегов, хранящихся в моей метафорической коробке из-под обуви. Образ крошечного меча неизбежно вызвал ассоциацию с миром короля Артура, хотя в книге рассказывалось всего-навсего о ноже для бумаги,

¹ «The Silver Sword» (1956) – книга британского писателя Иэна Серрайлиера (1912–1994).

принадлежавшем жене учителя, которая погибла при бомбежке. Сила этой книги продолжает жить в сердцах моих повзрослевших детей («Мне очень понравилась та книжка про меч», — сказал Оливер; а Индия призналась: «Мне так хотелось, чтобы у меня был такой меч!») и моих покупателей.

Я где-то читал о маленькой девочке из Англии, чья умственная активность была столь необычной, что ее состояние нельзя было описать в терминах современных «патологий», таких как СДВГ¹. Она была интеллектуально развита, но при этом ее постоянно что-то отвлекало — некая потребность. Докторам не удавалось разгадать, в чем ее проблема, пока ее не привели к одному лондонскому специалисту. Тот опоздал на работу, а приехав, увидел, что ждавшая в приемной девочка без конца постукивала ногами по полу. Когда она зашла в кабинет, он сказал: «Просто ей нужно танцевать, вот и все». Та девочка стала солисткой балета в театре Ковент-Гарден. Интересно, что она читала в детстве.

Книги многое могут рассказать о наших детских грезах, которые переносятся во взрослую жизнь. Не обязательно цитировать французского мыслителя Гастона Башляра, чтобы знать, «какое преимущество глубины свойственно детским грезам! Счастлив ребенок, который обладал — поистине обладал — часами одиночества! Благоприятно, полезно для ребенка некоторое время пощупать, познавая диалектику неумных игр и беспричинной скуки, просто скуки», но мы можем посочувствовать философу, который восклицает: «Чердак моей скуки, сколько раз я с сожалением вспоминал о тебе, когда суета жизни отнимала у меня крохи свободы!», и по достоинству оценить оптимистичную настойчивость, с которой он утверждает, что «в царстве абсолютного воображения молодость бывает поздней».

¹ СДВГ — синдром дефицита внимания и гиперактивности — психическое расстройство, для которого характерны трудности концентрации внимания, гиперактивность и импульсивность. — *Примеч. ред.*

Научно-популярное издание

Лейтем Мартин

Истории торговца книгами

Ответственный редактор *Н. Галактионова*

Редактор *С. Левензон*

Художественный редактор *С. Карпухин*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *Е. Туманова, О. Левина*

Верстка *Т. Коровенковой*

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 18.10.2021. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Orbi».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 4000 экз. В-РВJ-27524-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru